

мѣста или играть на биржѣ. У насъ есть только красота, одна только красота...

И она била себя въ грудь, какъ кающійся въ грѣхахъ, и вся красная внѣ себя подступала къ постели:

— Тѣмъ хуже для красивыхъ дѣвушекъ; имъ приходится жить красотой или же всю жизнь страдать отъ бѣдности... другого выбора нѣтъ.

И опять возвращаясь къ своей любимой идеѣ:

— А ужъ хороши и эти честныя женщины, нечего сказать! Онѣ хуже насъ, слышишь, потому что ихъ ничто не заставляеть. У нихъ есть деньги, чтобы жить и веселиться, а онѣ берутъ себѣ любовниковъ, потому что развратны. Онѣ хуже насъ!

Она стояла у постели обезумѣвшей Иветты, которой хотѣлось закричать: — караулъ! — хотѣлось убѣжать и которая навзрыдь плакала, какъ дѣти, когда ихъ бьютъ.

Маркиза умолкла и поглядѣла на дочь; при видѣ ея отчаянія, она вдругъ тоже прониклась горемъ, раскаяніемъ, умиленіемъ жалости и, бросившись на постель съ раскрытыми объятіями, тоже принялась рыдать, бормоча: — моя бѣдная дѣвочка! моя бѣдная дѣвочка! еслибы ты знала, еслибы ты знала, какъ ты меня огорчаешь!

И обѣ долго плакали.

Наконецъ, маркиза, у которой горе не долго держалось, приподнялась и тихо сказала:

— Ну, милая, что-жъ дѣлать. Теперь уже ничего нельзя измѣнить. Надо примириться съ жизнью, какъ она есть.

Иветта продолжала плакать. Ударъ былъ слишкомъ силенъ и неожиданъ, чтобы она могла разсуждать и успокоиться.

Мать продолжала:

— Послушай, вставай и приходи завтракать, чтобы никто ничего не замѣтилъ.

Молодая дѣвушка отрицательно качала головой, не будучи въ состояніи говорить. Наконецъ, произнесла сквозь рыданія:

— Нѣтъ, мамаша, ты знаешь, что я сказала. Я не перемѣню мнѣнія. Я не выйду изъ своей комнаты, до тѣхъ поръ, пока они не уѣдутъ. Я не хочу больше никого изъ нихъ видѣть, никогда, никогда. Если кто-нибудь изъ нихъ вернется, я... я... ты меня больше не увидишь.

Маркиза отерла глаза и, уставъ отъ слезъ, прошептала:

— Ну, будь же благоразумна.

Потомъ помолчавъ, прибавила: